

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

УДК 1 (410.038) (091) "16"

М. В. Авксентьевская

Кембриджский платонизм: между магией и наукой

В результате слияния античного и христианского мировоззрений, изучения магических учений Ренессанс изменил терминологическую картину научной мысли. Кембриджский платонизм ассимилирует новые смыслы на пересечении одновременно нескольких методологий: неоплатонической натурфилософии, христианской теологии и новоевропейского рационализма.

As a result of merging the Ancient and Christian outlooks together with esoteric studies, the Renaissance changed the map of scientific terminology. Cambridge Platonism assimilates the novelties at the intersection of several contemporary methodologies including Neoplatonic natural philosophy, Christian theology and European rationalism.

Ключевые слова: кембриджский платонизм, Ренессанс, рационализм, магия, метод, каббала.

Key words: Cambridge Platonism, Renaissance, rationalism, magic, method, cabbala.

Интеллектуальная жизнь Англии XVI–XVII вв. отличалась особым интересом к изучению платонических текстов. В середине XVII в. Кембриджский университет объединил нескольких философов-неоплатоников, среди которых были основатель школы Бенджамен Уичкоут (1609–1683), Ральф Кедворт (1617–1688), Генри Мор (1614–1687) и Джон Смит (1618–1652). Кредо кембриджцев было дано в высказывании Уичкоута: «I oppose not rational to spiritual, for spiritual is the most rational» [2: 6]. Взгляды кембриджских платоников хорошо иллюстрирует средневековая метафора, уподобляющая божественный и человеческий разум соответственно свету солнца и свечи. Кембриджцы называли разум человека «свечой Господа» – способностью разумной души к интенсивно переживаемой вере и познанию. В мистицизме кембриджских неоплатоников знание не поглощается переживанием близости к единому. По выражению Г. Мора, человеку присуща «божественная пронизательность» – основой религиозного чувства является мышление, которое обусловлено «чистотой души», так что приближение к божественному знанию возможно единственно через святость.

Познание испытывает влияние внерациональных свойств души – в этом отношении кембриджский платонизм следует ренессансной традиции, где носителем свойства познавать еще является не абстрагированное декартовское *res cogitans*, но человек как микрокосм в гармонии всех своих частей. М. Фичино разделяет платоническую задачу возвышения от физического и временного к бестелесному и вечному, но также занимается врачебной практикой. В соответствии с медицинской наукой своего времени он исследует влияние различных снадобий на состояние человеческого ума

и находит, что ученый полагается в своих исследованиях не только на интеллект, но также на дух, который есть «испарение крови». Итальянский ренессанс ближе к античности в понимании духа как природы. В античности ὑποκείμενον – носитель свойств, субъект суждения – не понимается как личность. Христианство придает познающему началу личностную форму и раскрывает в связи с этим внутреннюю жизнь личности. Ренессансная христианская философия, представителями которой являются кембриджские платоники, усматривает в познающем духе личностные качества, важнейшим из которых является христоподобие, как описывает его Дж. Смит – знание, преисполненное божественной добродетели.

Ренессансный платонизм увлекается магическими учениями и практиками. Христианский священник, философ и врач М. Фичино, находит, что магия не чужда ни одной из данных сфер деятельности. Пико делла Мирандола изучает мистическое иудейское учение каббалы и видит в нем утраченное откровение исконной христианской веры, а также подтверждение общности и истинности платонических и пифагорейских учений. В своих 900 тезисах Пико указывает, что ни одна наука не может убедить ученого в божественности Иисуса Христа лучше, чем магия и каббала. Работы Пико, примиряющие магию с христианством, повлияли на умонастроение всей эпохи. Реформированные англикане не придавали божественным таинствам магический смысл, но кембриджский философ Генри Мор также интересовался каббалой и магией.

Необходимо отметить, что ренессансное видение магии отличалось от современного. Магия эпохи Возрождения, как и античности, не была сверхъестественной, она представляла собой природный феномен, *magia naturale*. Божественная тайна мира состоит в связи между его элементами, магия лишь раскрывает аналогии и помогает человеку реализовать свое знание как силу и власть над миром. К. Агриппа в книге «Оккультная философия» описывает магию как глубокое знание тайн природы, дающее власть над ней, а также как высшую из естественных наук. Слово «оккультный» для Ренессанса имело значение, происходящее от латинского *occultus*, т. е. скрытый, тайный, и часто использовалось в сочетании «оккультные свойства природы», т. е. необъяснимое в природе в противоположность объяснимым явлениям.

Мистические учения, среди которых были тесно ассоциируемые каббала, алхимия и магия, интересовали основателей новоевропейской науки как способ постижения аналогий и законов природы. Одним из постулатов магических учений являлись аксиомы – утверждения о закономерной связи между понятиями, веществами и формами материального мира, которые не были окончательно разграничены между собой. Связь усматривается на основе уподобления, заметного сходства признаков вещей. Смысл аксиомы состоит в обнаружении и использовании природной связи. Например, в алхимических опытах золото могло применяться как магический аналог солнца. Важнейшей аналогией, которую утверждала магия, была связь между словом и вещью. Разгадка символики магических учений связывалась с проблемой поиска *lingua adamica* – праязыка, в котором слово обозначало вещь таким образом, что она могла присутствовать в нем полностью, благодаря чему слово творило вещь.

Необходимо отметить различие между ренессансным и современным пониманием задач науки. Ренессансная наука не очень отчетливо различает в себе философию, магию, гуманитарные и естественные науки в современном смысле. Это происходит не только по причине неразвитости отдельных научных областей. Ренессансная наука имела иную рубрикацию, цель ренессансного ученого – изучение не столько отдельного явления, сколько места этого явления в многообразии и взаимодействии форм природного сущего. Соответственно отличается функция и значение научного термина. Ренессансные научные термины неотделимы от порождающих их мировоззренческих систем. Например, в таблицах соответствий между планетами и различными средствами излечения недугов натурфилософия раскрывает основанную на космическом единстве связь между явлениями. Ренессансный термин не фиксирует определенную область значения, целью его создания является продуцирование ассоциаций и аналогий внутри природного сущего, поэтому он часто метафоричен, допускает иносказания, и его значение иногда трудно зафиксировать в определении.

В результате слияния античного и христианского мировоззрения наука Ренессанса столкнулась с новыми смыслами и новыми значениями привычных терминов. Ассимиляция новых знаний требовала иного распределения границ внутриязыковой картины мира, что могло породить поэтическую неустойчивость научного языка, повышенное использование метафор в качестве научных терминов. Сопоставив значения терминов в различных философских традициях, Ренессанс наблюдает многозначность привычных слов. Пользуясь современным языком, при внезапном отдалении слова и значения ренессансные авторы обнаруживают проблематичный характер связи между термином и денотатом. Ренессанс предстает как кризис перенастройки значений научных терминов, во время которого слово и сущее связываются друг с другом ассоциативным и метафорическим способом, который Ренессанс понимает как магию. Это вызывает интерес к различным историческим формам магических учений.

Выделение ренессансного научного метода выглядит несколько условным: в период XIV–XVII вв. методологии различных европейских авторов заполняют длинную шкалу магических, религиозных и рациональных учений. Ренессансная научная позиция здесь главным образом понимается как доминирующая в данный период тенденция акцентировать кризис научной терминологии, а также предмета и методов исследования.

Схоластическая наука изучала сотворенное сущее, скрепленное печатью духа. Научный метод средневековья уподоблялся крепости печати, схватывая сущее в компендиумы определений. Наука Нового времени распределяет секулярное сущее по многоуровневым отраслям знания, содержание которых представляет собой ветвистую иерархию определений. Для обоих периодов накопления учености характерно стремление к возможно более строгой определенности между термином и денотатом. Явление Ренессанса возникает между этими периодами в результате совмещения античного, христианского и восточного наследия как перепланировка терминологической картины мира. Ослабление и

придание более растяжимого характера связи между термином и денотатом не устраняет потребности в ее наличии. Если связь между словом и сущим плохо усматривается, она должна быть утверждена. Ренессанс понимает данное утверждение как «магически» необъяснимое свойство природы. Далее среди многообразия установленных природных аналогий ренессансная наука обнаруживает устойчивые проверяемые *rationis*, что становится критерием истинности обнаруженных природных закономерностей, которые затем оформляются языковыми средствами как терминологические. Конструируется новая научная парадигма, в которой отдельные научные области осваивают имеющееся языковое пространство, создавая терминологические структуры.

В отличие от ренессансного метода познания, наука Нового времени нацелена не на целостность, но на конкретность сущего. По удачному определению Нильса Бора, современная наука – любая сфера деятельности, когда можно наблюдать объект или экспериментально его исследовать. Однако по мере накопления суммы знаний и универсализации научной парадигмы последняя начинает восприниматься учеными как должное и словно становится невидимой научному умозрению. Целое сущего, которое задается научной парадигмой, усматривается все менее отчетливо. Размытое усмотрение целого сущего вновь не позволяет установить отчетливую связь между целым сущего и конкретным определяемым – денотатом термина.

С другой стороны, главным качеством термина оказывается не его способность связывать явления внутри целого сущего, но прикрепленность к определению. По мере накопления терминологии внутри предметных областей происходит уменьшение значимости отдельных единиц терминологии. Постепенно определение частично принимает на себя функции термина. Снижение статуса термина ослабляет связь между когнитивными свойствами термина и соответствующим денотатом.

Таким образом, для научной картины новейшего времени становится характерно ослабление связи между термином и денотатом, а также между денотатом и целым сущего. Дальнейшее накопление терминологии и фундаментальные открытия могут привести к кризису перенастройки связи между словом и сущим.

Наука раннего Ренессанса, обходясь без функции фиксированного денотата, напрямую «магически» соотносит слово, связывающее в себе неограниченное многообразие свойств вещи, и целое сущего. Не следует ли современной науке прибегнуть к магии? Возможно, магия и наука не столь далеки. Магия утверждает связь между словом и объектом, и в ренессансном смысле магическим можно назвать любое языковое действие как утверждение воссозданной связи между словом и его значением. Вне акта соединения слова и значения мысль пребывает в «окультурном» состоянии. Терминология как инструмент научной деятельности состоит из языковых единиц. Соответствие между термином и значением отчасти утверждается, дистанцию между ними сложно преодолеть строго рационально. Ренессансная магия акцентирует этот зазор, тогда как в новоевропейском научном методе он малозаметен. По выражению Ричарда Уосу, «Безыскусная магия применяет власть слова над миром, не

разрывая их надвое» [3: 27], искусственная новоевропейская научная магия применяет себя, скрываясь из поля умозрения вместе с разрывом между словом и сущим.

Возвращаясь к кембриджскому платонизму, «оккультные» учения привлекали английских философов скорее как способ примирения веры и знания, который заключался в особом методе отношения к предмету. Генри Мор в работе «Соображения о каббале» (1653) предполагает, что книга Бытия как авторитетный религиозный текст должна содержать важные сведения о мироустройстве. Вдумчивый последователь каббалы может применить методы учения для обнаружения смысла, скрытого под внешней текстурой библейского повествования. Прояснение разнообразных «оккультных» причинно-следственных связей внутри мироздания оказывается возможным за счет заключенного в древней иудейской традиции метода свободного ассоциирования имен на основе скрытой, но полагаемой магической связи между ними. Это согласовывалось с ренессансной интенцией изучения аналогий имен для раскрытия связей в природе. Совмещение иудейской мудрости и христианизированной научной мысли видится Мору плодотворным, поскольку позволяет по-новому интерпретировать Писание, т. е. придать словам новые значения, которые позволяют выявить новые аналогии и законы природы.

Философия кембриджца Генри Мора оказывается помещенной в контекст одновременно нескольких методологических установок: неоплатонической натурфилософии, христианской теологии, новоевропейского рационализма. Возможно, с этим связана видимая эксцентричность взглядов Мора. Многие исследователи отмечают, что он рассматривал причинность в природе как результат действия духов. В работе «Противоядие против атеизма» (1653) Мор собрал одну из самых обширных коллекций свидетельств об оккультных феноменах. Натурфилософия Мора полагает центральной движущей силой мироздания «дух природы». Вероятно, многочисленные спиритические истории виделись ему эпизодами открытия природных тайн. Исследуя этимологию английского слова «ведьма», он приводит его происхождение от глагола, означающего «обладать необычно глубоким знанием». С одной стороны, рассматривать мир как одушевленное целое соответствует традиции ренессансного неоплатонизма, где *anima mundi* является «скрепой» природного космоса. Однако если в новоевропейской научной парадигме дух и природа различены, явление любого духа понимается как сверхъестественное, выпадающее из причинно-следственных связей в природе. Соответственно, Мор выражает сомнение в том, что в ренессансном смысле оккультные феномены возможно объяснить средствами «механистической» философии Декарта. Рациональная систематичность, с которой Генри Мор подходит к вопросу о тайных силах, придает его изысканиям парадоксальный характер.

Общее кредо кембриджцев утверждало глубокое родство веры и знания. По мере погружения в предмет Генри Мор все более скептически относился к возможности примирения рационального и духовного, что часто объясняют постепенным сужением его взглядов. Он разочаровался в каббале как сложной доктрине, не помогающей внести ясность в какие-либо мировоззренческие вопросы. В работе «Основания философии или каббала орла-мальчика-пчелы» (1682) он жалуется, что иррациональные аллегории и загадки каббалы не могут объяснить загадки и тайны природы. С другой стороны, философия Декарта виделась ему примером того, как рациональность может подавить христианскую веру.

В ренессансном понимании аллегории и загадки являлись частью природы, выступая свидетельствами присутствия духа, образами сущностей, благодаря которым вещи магически причастны божественному единому и обретают телесность множества. Аллегорический язык ренессансной науки рассматривал загадки как выражение духа в природе, но когда дух был изгнан из природы, язык науки стал функционировать как внешний по отношению к природе инструментарий ее объяснения. Ренессансный автор изучал непосредственно язык аналогий и загадок, новоевропейский ученый посредством языка изучает закономерности в природе. Научный язык превращается из цели в средство познания, научная терминология отныне должна быть сама в себе ясна и прозрачна для выполнения задачи переноса значения слова, отчужденного от самого слова. Научный метод приветствует вытеснение аналогической метафоры в пользу экспериментально-доказательного, логического понятийного мышления.

Ренессансный космос был окружен заботой божества, тогда как в философии Декарта божество устранилось от забот после сотворения мирового механизма. Мор в целом соглашался с механистической трактовкой отдельных явлений природы, но возражал против применения механики для объяснения природы в целом. В частности, Мор предлагает ренессансное объяснение движения как магического свойства «...самой жизни, которая не может быть сведена к одной лишь материи» [1: 349]. Ренессансное видение космоса подразумевало присутствие Бога, который одухотворяет человеческий разум к познанию. В соответствии с этим Генри Мор полагает, что вера и знание есть явления сообщения между человеком и божеством. Однако если дух и природа различены, Бог не находит себе места в актуальной протяженности. Божественное становится эпизодом истории мира, который все дальше отступает от своего создателя. Вместо единения знания и христианской веры Мор отмечает все более тесное слияние знания и сомнения.

Ренессансный человек был первым среди других равных сущих. Новое время «приручает» сущее, делая его объектом человеческой деятельности. Наука становится способом сподручно оперировать сущим. В этой связи интересно вспомнить разделяемое кембриджской школой представление о «пластичной натуре». Термин *plastic nature* был предложен Ральфом Кедвортом в работе «Истинная интеллектуальная система универсума» (1678) для обозначения ступени сущего, опосредующей присутствие Бога и оставляющей, таким образом, возможность связи между духом и природой.

В описании Кедворта *plastic nature* представляет собой формирующую субстанцию, которая оперирует материей образом божественной мудрости и благости. Пластичная натура также является законом мирового развития и одновременно духом, несущим замысел божественного провидения, по выражению Кедворта, словно непосредственным «прикосновением собственных рук» демиурга. В раннем ренессансном понимании природа была достаточно пластична, но *anima mundi* более поздней эпохи обладает особыми полномочиями. Помимо объединения, одушевления и вразумления мира, *plastic nature* выступает целевой причиной, которая устремляет развитие природы в благодатном направлении. Ренессансный космос был вечен в себе, тогда как природа в понимании Кедворта неосознанно проектирует собственное будущее. Согласно кембриджцам, пластичная природа «подручна» божеству, которое одновременно имманентно природе и трансцендирует наличное бытие сущего.

Европейский XVII век был периодом прорыва во многих областях человеческого знания. Если ренессансные авторы лишь выражали надежду на равноправие человека и природы, то ученые Нового времени работали над освоением природного могущества. Кембриджский платонизм находится на пересечении путей европейской науки и философии, где античная и ренессансная мысль сопрягались с реформированным христианским учением, научными открытиями и новой доктриной рационализма. Философия Г. Мора и Р. Кедворта пытается совместить ренессансный метод познания аналогической связи в природе и новоевропейскую научную методологию самоочевидной доказательности. Магические учения интересовали кембриджцев как системные описания картины мира, которые могут позволить примирить рациональное и «окультурное». Однако применение научного метода на материале природных загадок приводит к неожиданному результату. Вместо увеличительного стекла, которое прояснило бы основания сущего, перед исследователем оказывается безграничное мутное зеркало, в котором сущее нечетко удваивается. Исследователь каббалы Генри Мор вместо научной модели для объяснения природы получает сложное доктринальное описание мироздания. Оно не удовлетворяет ученого, поскольку его нельзя использовать как подручный инструмент науки. Открывается новоевропейский проект недостаточности доктринальных описаний и поиска средств по прогрессивному освоению природы.

Метод новоевропейской науки немного заимствовал из магических учений. Магическая каббалистика оказалась слишком сложной и запутанной сама в себе чтобы с ее помощью можно было объяснять внешние феномены. Кембрижский платонизм связывает познание с полнотой свойств души. В Новое время познающее начало утрачивает какие-либо свойства помимо чистой субъективности. Картина мира, основанная на познающем субъекте, стремится к самодовлеющей рациональной упорядоченности, систематичному объективированному познанию.

Список литературы

1. Ковалева И.В., Семенов А.А. Общая характеристика философии Генри Мора в контексте основных научных и теологических проблем XVII века //

Академия: исследования и материалы по истории платонизма. – Вып. 5. – СПб., 2002. – С. 345–364.

2. The Cambridge Platonists /ed. C.A.Patrides. – Harvard, 1970.

3. Waswo, Richard. Language and meaning in the Renaissance. – Princeton, 1987.